

Этнический и религиозный аспекты гражданской идентичности в Башкортостане.

Галлямов Р.Р.*

Трудно переоценить значение проблемы гражданской идентичности в современной России, т.к. построение правового, демократически организованного, цивилизованного общества в нашей стране невозможно без формирования его своеобразной социально-идеологической базы – глубокого и многоуровневого гражданского самосознания, объединяющего самые различные социальные слои и группы. Как известно, в разрабатываемой и практически реализуемой в западных странах концепции современного социума, именно идея единой гражданской идентичности является одной из тех “ключевых” точек, которые задают плоскость динамично развивающегося гражданского общества.¹

В российских республиках, и прежде всего – в таких влиятельных в экономическом и политическом смысле как Башкортостан и Татарстан, решение задачи создания полноценной гражданской идентичности упирается в несколько групп проблем. Во-первых, с самого начала постперестроечных преобразований здесь интенсивно культивируется свое “регионально-республиканское” самосознание населения, согласование которого с более “молодой”, с точки зрения разработки и распространения, общероссийской идентичностью имеет определенные трудности. Здесь, также как и в конституционно-правовой сфере, стоит задача “приведения к общим “базовым” характеристикам” гражданской идентичности всего государства и республик в составе России.

Во-вторых, как на федеральном уровне, так и особенно в самих республиках, в силу большой полиэтничности проживающего здесь населения, создание гражданской идентичности предполагает необходимость гармоничного сочетания сильно мобилизованной за последние годы этнической идентификации различных народов в двух смыслах: с одной стороны, актуализируется проблема оптимизации этнической идентичности титульных этносов, ориентируемых иногда национальными элитами “против Центра” на основе экстремистских лозунгов; с другой – уже в самих республиках генерируется противоречие между идентичностью титульных и нетитульных этнических групп, т.к. последние не желают мириться с положением “второсортности”.

Наконец, в-третьих, именно в Урало-Поволжском регионе России на процесс создания гражданской идентичности оказывает сильное влияние, бурно возрождающееся религиозное сознание, разделенное в конфессиональном смысле на православие и ислам. При этом политизация религиозности и мусульманских организаций России (особенно – в своего рода “исламских” республиках) играет, к сожалению, в этом регионе не столь разрушительную как на Кавказе, но все же довольно серьезную дезинтегрирующую роль. Поэтому, в данной работе, акцентируя свое внимание на этническом и религиозном аспектах формирующейся гражданской идентичности в Башкортостане, я предполагаю провести небольшой сопоставительный анализ с материалами по Татарстану, без чего общая картина исследуемой проблемы была бы неполной.

Теоретические и методические основания анализа.

Проблема гражданской идентичности, особенно, с учетом ее этнической и конфессиональной составляющих, сравнительно недавно поставлена в отечественной науке. Можно сказать, что вопрос о гражданстве, да и то, в самом общем виде, сформулирован только в правовом смысле в самом законе (“закон о гражданстве в РФ”) и некоторых публикациях юристов. Среди российских специалистов, видимо одним из первых, идею гражданской идентичности начал разрабатывать и активно пропагандировать, завоевав даже на этом поначалу одиозную славу, известный этнолог В.А.Тишков. Взяв за основу концепцию гражданской идентичности еще в период работы над так и не одобренной программой национальной политики в 1992 году, опубликовав затем целую серию шокирующих широкую общественность статей, В.А.Тишков остается рьяным проповедником того, что гражданское самосознание у человека должно быть одно, а этническая самоидентификация может быть различной, в том числе – двойной, тройной или вообще никакой.² Нельзя не отметить, при этом, что в течение 90-х годов идея гражданской нации, так негативно воспринятая поначалу, постепенно завоевала широкие права как в научном сообществе, так и в общественном сознании России. Краткий историографический анализ этой проблемы предлагается ниже, в разделе, описывающем степень разработанности и источниковую базу исследования.

Бесспорная сложность и многогранность проблемы гражданской идентичности в российских республиках требуют остановиться на характеристике таких методологических оснований анализа как выбор концептуального подхода к изучению идентичностей, “базовые” методы анализа информации, исходная парадигма оценки самой идентификации личности в различных аспектах, особенно – в этническом. В варианте статьи, подготовленном для первого этапа осуществления проекта, я намеренно пытался уйти от обсуждения этих вопросов, желая больше анализировать конкретную эмпирику. Однако сам ход дискуссии в Казани, когда в выступлениях участников проекта прозвучал призыв “договориться о концептуальных основах анализа”, на первый план выдвинул, на мой взгляд, следующие так сказать гносеологические задачи. Во-первых, надо было выяснить на основе каких методов эффективнее анализировать развитие идентичностей в России: “количественных” или “качественных”. Мнения, как известно, здесь разделились. Я со своей стороны остаюсь приверженцем (по крайней мере в данной статье) количественных социологических методов, предполагающих анализ массовых источников, которые дают, говоря языком науки, большую репрезентативность в выводах. Во-вторых, необходимо было избрать парадигму исследования идентичностей, на что особенное внимание обратила Л.М.Дробижева. В этом смысле я полностью согласен с мыслью о том, что нация и этнонация есть результат взаимодействия процессов политического конструирования (т.е. мобилизации “сверху”) и культурного соединения (т.е. объединения “снизу”) (Р.Суни). Поэтому я за полипарадигмальный подход. Однако в своей статье я в большей степени анализирую реальные тенденции и противоречия этнического (религиозного) аспекта гражданской идентичности на различных уровнях, а не идеологемы, которые пытается, иногда безуспешно, транслировать в массовое сознание политико-идеологическая элита. Наконец, в-третьих, в связи с тем, что мы исследуем в том числе этническую идентичность в регионах России, нельзя не указать концептуальный подход к оценке феномена этничности в целом (Л.В.Сагитова). В данном смысле моя концепция находится

Полностью солидарен с Л.Сагитовой в выводе о том, что без учета фактора “личности” и создаваемой ею “социальной ткани” невозможно выявить детерминанты устойчивости идентичности.

Сопоставление различных точек зрения и авторские теоретические разработки позволили следующим образом определить центральное понятие нашего анализа. На мой взгляд, гражданская идентичность – это постоянно развивающийся процесс осознания принадлежности к государству и его региональному субъекту (республика, области) на основе рациональных представлений, эмоциональных чувств и деятельностно-волевого (регулятивного) отношения, осуществляемых через систему государственных институтов, прав гражданства, гражданской культуры и системы идеологии, независимо от этнической и конфессиональной принадлежности.

Данное нами определение предполагает, что наряду с гражданской идентичностью личности неизбежно существует ее этнический и религиозный компоненты, которые одновременно как бы входят в структуру общего гражданского сознания, так и “выходят” за его пределы. В тоже время сама гражданская идентичность осуществляется через ее когнитивно-рациональные (осознанные), психоаффективные (чувственные) и регулятивно-волевые (гражданская позиция и ее реализация в действиях) элементы.

В зависимости от того, на каком общественном уровне проявляется гражданская идентичность, она может выступать в различных формах, например: общая гражданская идеология (национальная идея), этнополитическое и этноконфессиональное сознание социальных групп, личностная (отдельного гражданина) идентичность и т.д.

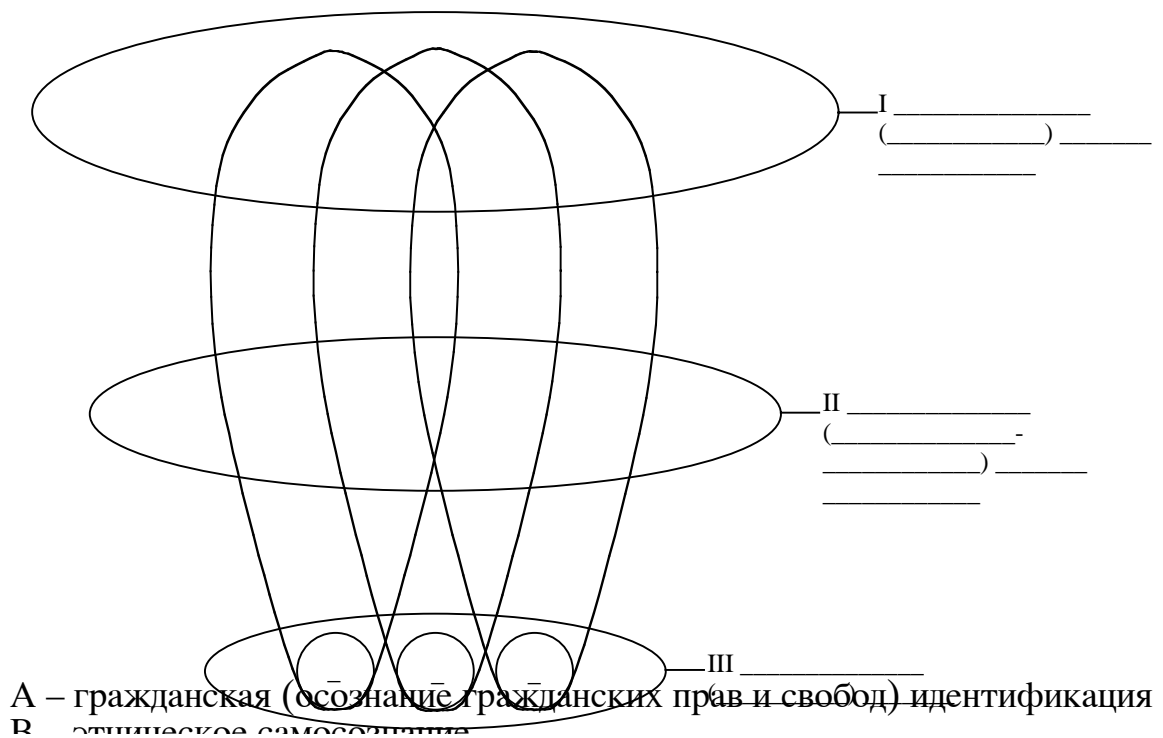
Необходимо особо подчеркнуть динамический, процессуальный характер гражданской идентичности в том смысле, что на различных исторических этапах и в различных территориально-политических условиях факторы, определяющие ее тенденции, постоянно меняются с точки зрения доминирования или по крайней мере – показателей соотношения. Этот вывод хорошо иллюстрируется, например, при помощи анализа эволюции актуальности и интенсивности идентичностей, которую привела Л.М.Дробижина в статье по настоящему проекту.

С точки зрения объектов осознания, в современном российском обществе, существуют, несомненно, два главных уровня гражданской идентичности: федеральный и региональный. Причем, как показывает практика новейшего политического развития, даже во многих российских областях и городах федерального подчинения интенсивно культивируется региональная гражданская идентичность (“петербуржцы”, “красноярцы”), иногда даже с учреждением собственных флагов, орденов и других “доморощенных” непременных атрибутов государственности (деятельность губернатора Д.Аяцкова в Саратовской области). В республиках же Российской Федерации, получивших на волне “парада суверенитетов” и последующего взаимодействия с Центром весьма существенные конституционно-договорные полномочия и большой уровень политической самостоятельности, формирование региональной гражданской идентичности, имеющей к тому же большой этноконфессиональный компонент, набирает обороты еще с начала 90-х годов и практически является реальностью современной общественной жизни. В этом смысле гражданская идентичность в российских республиках является не просто региональной (субгражданской) идентичностью, а переходит в качественно новое состояние республиканской идентичности состоявшегося государства.

Таким образом, региональная гражданская идентичность представляет собой не просто структурный элемент общегражданской идентичности, а является вторым в иерархической системе уровнем коллективно-личностной идентичности. При этом. В определенных условиях, как справедливо подчеркивают некоторые исследователи: "...региональная идентичность может составить конкуренцию идентичности национальной, что может поставить под угрозу единство страны".³ Некоторые известные западные исследователи этничности и идентичности относят территориальную или региональную идентичность, наряду с гендерной, к числу фундаментальных.⁴ На наш взгляд, региональный уровень гражданской идентичности является не только территориальным компонентом национально-государственного самосознания, но и из-за, с одной стороны – более сложного взаимодействия с общегражданской идентичностью, с другой – наличия собственной структуры детерминирующих факторов, выступает в качестве имеющего самостоятельное значение, сложного и противоречивого феномена. Структурно соотношение основных элементов гражданской идентичности, принимая во внимание всю условность такой схемы, может быть представлено следующим образом (см. рис. 1).

Как это видно из предложенной схемы, гражданская идентичность, по нашей гипотезе, состоит из трех уровней идентификации, имеющих иерархическое соподчинение относительно друг друга, но все же самостоятельных с точки зрения функционирования: общегражданского (национального), субгражданского (регионального или республиканского) и индивидуального. Непосредственно в структуре сознания личности, наряду с другими базовыми категориями идентичности, присутствуют собственно гражданское, этническое и конфессиональное самосознание. Все эти категории идентификации как бы "пронизывают" два верхних этажа идентичности по своему проявляясь на каждом уровне.

Рис.1. Гипотетическая схема структуры элементов гражданской идентичности.

Как уже отмечалось выше, исследование влияния этничности и религиозности на развитие гражданской и субгражданской идентичности в Башкортостане невозможно без некоторых сравнений с Татарстаном в силу того, что эти две республики с точки зрения этноконфессиональной эволюции очень тесно взаимосвязаны и входят, по мнению этнологов, в одну Волго-Уральскую историко-этнографическую область. Данное обстоятельство, а также особенности государственно-политического развития в советский и постсоветский период предопределили следующие сходства и различия детерминирующих факторов формирования гражданской идентичности населения. Общим для Башкортостана и Татарстана выступает то, что это две так называемые “национальные республики” России, образованные одними из первых (1919г. и 1920г.) еще на заре советской власти, близко соседствующие, вплоть до того, что некоторые территории были даже спорными на этапе формирования.⁵ В этнодемографическом смысле в обеих республиках имеются крупные анклавные русские населения (Башкортостан – 39,3%; Татарстан – 43,3%), которые, однако, уступают по численности башкирам и татарам. В целом именно эти три народа определяют этническую основу населения республик. Другие этнические группы не играют сколько-нибудь существенной роли. В этноэлитическом значении в обеих республиках командные высоты политической власти в ходе процесса “суверенизации” полностью перешли к представителям титульного населения, которое среди руководителей различных рангов полностью (кратно) доминирует над русскими и другими этническими группами.⁶ Конфессионально и в Башкортостане, и в Татарстане преобладают мусульмане-сунниты из татар и башкир (за исключением небольшой и малозначимой группы православных татар-кряшен) и христиане-православные из числа русских, украинцев и белорусов.

Однако в группе “базовых” факторов гражданской идентичности населения рассматриваемых республик имеются и существенные различия. Во-первых, этнодемографически соседствуют и определяют основной фон межнациональных отношений в Татарстане две (татары – 52% и русские – 43,3%), а в Башкортостане три (башкиры – 21,3%; татары – 28,4% и русские – 39,4%) группы. Одновременно в Башкортостане, в отличие от Татарстана, титульный этнос разделяется на два больших сегмента по языковой идентификации: башкироязычных (78%) и татароязычных (22%) башкир. Последняя группа, как показывает практика, обладает определенной неустойчивостью идентификации и под воздействием различных факторов часто меняет этническую идентичность. С точки зрения проникновения религии в традиционную культуру и массовое общественное сознание этнографические и социологические исследования также фиксируют различный уровень влияния ислама на татар и башкир. Башкиры являются менее “активными” мусульманами, чем татары.

Описание некоторых теоретических и методических оснований анализа позволяет выдвинуть несколько основных **рабочих гипотез** нашего исследования:

1. Этническая идентичность в современных условиях оказывает существенное влияние на формирование гражданского самосознания жителей Башкортостана на различных (общенациональном и региональном) уровнях. Причем этничность титульного народа “работает” в основном на субгражданскую (республиканскую), а

самосознание у русских и татар тоже растет. В то же время причины и интенсивность влияния на формирование общенациональной идентичности у татар и русских радикально отличаются.

2. Сама этническая идентичность под влиянием, прежде всего, процессов “суверенизации”, имеющей сильную этнополитическую окраску, при общем росте у всех народов, более интенсивными темпами развивается у башкир. Русские, скорее всего, значительно меньше декларируют свою этничность. Промежуточное положение между ними в этом смысле занимают татары. Аналогичная ситуация с педалированием своей идентичности (за исключением татар Башкортостана), скорее всего, сложилось в Татарстане.
3. Субгражданская (республиканская) идентичность под комплексным воздействием группы факторов, в том числе: этничности, религиозности, а самое главное - хорошо организованного и мощного процесса институционализации, скорее всего, намного опережает в своем развитии общегражданскую идентичность в Башкортостане. Имеются, видимо, и этнические различия в этом процессе. Мозаичность этнического состава Башкортостана, наряду с ошибками в национальной политике может тормозить формирование башкортостанской гражданской идентичности, которая в Татарстане, где нет таких препятствий, складывается, по-видимому, еще быстрее.
4. В условиях постсоветского духовного возрождения и религиозного “ренессанса” определенное влияние на формирование гражданской идентичности оказывает конфессиональное самосознание населения. Различная конфессиональность, при этом, скорее всего, ориентирована на различные уровни идентичности: ислам - на республиканский, православие - на общероссийский. Вместе с тем, из-за продолжающегося инерционного воздействия традиций “советской атеистичности” и слабой политизации (в отличие от Кавказа) исламских организаций и верующих Башкортостана и Татарстана влияние религиозного фактора на гражданскую идентичность ослаблено, оно не может оказать сколько-нибудь серьезного разрушающего воздействия.
5. Уровень противоречиво возрождающейся религиозности различен у представителей различных конфессий в силу разной их вовлеченности в глобальные процессы (урбанизация, эмансипация и т.д.) и преобладающих религиозных догматов. Одновременно имеются внутриконфессиональные, главным образом - по этническому признаку, различия в степени развитости конфессиональной идентичности у современных жителей Башкортостана. В этом, на наш взгляд, принципиальное отличие исламской идентичности мусульман Башкортостана и Татарстана.

Разработанность проблемы и источниковая база анализа.

Несмотря на то, что проблема гражданской идентичности сравнительно недавно (с начала 90-х годов) специально разрабатывается в отечественной науке, ее исследование сформировало уже отдельную и большую тему, требующую специального скрупулезного анализа. В данной работе, не претендуя на более или менее полную историографию проблемы, кратко перечислю лишь авторов и те вопросы, которые были ими затронуты, в том числе -

Как уже отмечалось, одним из первых и наиболее активно поставил проблему гражданской идентичности в исследовательском и политическом плане В.А.Тишков. Во второй половине 90-х годов появились серьезные теоретические работы с анализом этого сложного и противоречиво формирующегося феномена. На общероссийском уровне это, прежде всего, публикации М.Н.Губогло, рассмотревшего как структурное и уровневое строение гражданской идентичности,⁷ так и ее взаимодействие с религиозностью;⁸ и Л.М.Дробижевой, которая акцентирует свое внимание на изучении этнонациональной идеологии политических элит.⁹ Необходимо подчеркнуть, что Л.М.Дробижева и руководимый ею коллектив специалистов на протяжении 90-х годов в ходе выполнения нескольких международных проектов, с привлечением региональных авторов, подготовили несколько фундаментальных изданий, в которых рассматриваются самые различные аспекты гражданской и этнической идентичности, и в составе коллектива авторов¹⁰ и в виде индивидуальных монографий.¹¹

Так же как и вышеназванная группа авторов, методично работая над исследованием межнациональных отношений в российских регионах в 90-е годы, большой фактический материал об этническом аспекте гражданской идентичности собрали специалисты из ИСПИ РАН во главе с проф. В.Н.Ивановым.¹² К активному изучению проблем этнической и гражданской идентичности в регионах, в том числе - в Башкортостане, приступили несколько других исследователей из Москвы.¹³ Появились коллективные издания, подготовленные при поддержке некоторых фондов.¹⁴

На региональном уровне, в Башкортостане и Татарстане среди работ, исследующих теоретические аспекты гражданской идентичности, выделяются публикации таких известных специалистов как Р.Г.Кузеев, Д.М.Исхаков и Р.С.Хакимов. Предлагая каждый свою концептуальную модель соотношения этничности и гражданственности в выдвигаемой на первый план республиканской, т.е. субгражданской идентичности, эти авторы даже вступают в своеобразную полемику друг с другом.¹⁵ Один из ведущих идеологов Татарстана, советник Президента М.Шаймиева по политическим вопросам Р.С.Хакимов выдвинул в начале 90-х годов свой вариант организации гражданской нации на республиканском уровне. Схема формирования государственной общности “татарстанцы” по Р.Хакимову следующая: самоопределяющийся этнос татар (коренной народ) выступает в общетатарстанской нации в роли базового, “затягивая в свой водоворот всех, кто живет с ним на одной территории” и далее, в рамках новообразующегося государства сначала формируется “народ, а затем и нация с новой системой ценностей, во многом не совпадающей с прежней”. Одновременно Р.Хакимов признает, наряду с государством, и роль социально-экономической, а также культурной сред, без соединяющего влияния которых целостность граждан существовать не может.¹⁶ Концепция Р.Хакимова была избрана в дальнейшем руководством Татарстана в качестве официально политической.¹⁷ Однако почти сразу после появления эта концепция подверглась критике¹⁸, сущность, которой наиболее системно выразил известный казанский этнолог Д.М.Исхаков. Он отметил, что не государство превращает сообщество в нацию, а культура объединяет людей в нацию и создает тем самым государство. Опираясь на “культурологический” подход Э.Геллнера, Д.Исхаков считает, что в Татарстане не может быть обеспечено “предоставление русским таких же прав как и татарам”, т.к. республика должна создать условия для полноценного

Избежать “крайностей и ошибок” двух предыдущих авторов при создании концепции республиканской (Башкортостан) гражданской идентичности попытался член-корр. РАН Р.Г.Кузеев. Он не выделяет в привилегированную группу какую-либо одну национальность и не ставит в зависимость от экономических и социальных связей, а видит основание будущей “башкортостанской” нации в “многоцветии народов”. При этом формирование сообщества “башкортостанцев” должно опираться на стабильное развитие двух типов консолидации. Во-первых, “коренная (республикообразующая нация) должна ориентироваться на более высокий уровень консолидации с постепенным возвращением или включением в ее состав (в пределах республики) ранее ассимилированных групп или групп, испытавших воздействие глубокой аккультурации. Целесообразно содействовать развитию консолидации нации в направлении к гражданскому состоянию. При этом должна восприниматься как “норма” контактных зон не совпадение самосознания и родного языка, возможность и целесообразность двойной идентификации (например: русский – башкир, башкир – татарин...) в смешанных зонах и семьях”. Вторая линия консолидации должна более динамично сплачивать все народы и этнические группы республики в “многонациональный народ”. Консолидация может успешно происходить только на реальной идеологической базе, т.е. вокруг социально-политических идей и лозунгов, в которые поверят массы. Р.Г.Кузеев отмечает, что эти идеи будут созвучны общероссийским, однако в республиках они могут иметь свои особенности. В этих условиях население будет консолидироваться в республику – нацию (в составную часть общероссийского единства).²⁰

Среди других региональных авторов, в той или иной степени затрагивающих проблемы этнического и конфессионального аспектов гражданского самосознания, необходимо отметить Р.Абдрахманова, И.Габдрафикова и Э.Маврину, разработавших модели этнологического мониторинга по Башкортостану и Татарстану;²¹ Л.В.Сагитову, специально рассмотревшую проблему этничности в Татарстане²² и Ф.Г.Сафина, в ряде работ изучившего этноязыковые проблемы и их влияние на общественное развитие Башкортостана.²³ Этническую идентичность башкир, в том числе - городского их анклава изучали А.Я.Зарипов, М.Д.Киекбаев и Ф.С.Файзуллин и др.²⁴

Среди работ, исследующих современную конфессиональную идентичность и, прежде всего - ориентации мусульманского населения, выделяются по Башкортостану публикации А.Б.Юнусовой,²⁵ по Татарстану - Р.Муסיной, Р.Мухаметшина, Д.Хайретдинова.²⁶

В данной статье мы попытаемся практически впервые в отечественной историографии системно проанализировать процесс формирования и эволюции двух основных (общенационального и республиканского) уровней гражданской идентичности населения Башкортостана в контексте влияния на нее этнического самосознания и конфессиональных представлений граждан республики в 90-е годы. Некоторые аспекты проблемы будут рассматриваться в сравнительной ретроспективе с материалами по Татарстану как синхронно, так и диахронно. цели и задачи задаются необходимостью подтвердить или опровергнуть выдвинутые нами пункты рабочей гипотезы исследования.

Источниковую базу нашего анализа в основном составили обширные, к сожалению, пока еще мало используемые специалистами, результаты массовых и экспертных социологических опросов населения Башкортостана, проведенных в течение 90-х годов различными исследовательскими центрами, в том числе - с

иногда и чаще) и по очень схожей методике (по крайней мере, с сильным заимствованием ее элементов), можно считать их по своему характеру в значительной степени панельными, а сопоставительный анализ результатов - научно корректным. В некоторых из этих опросов автор имел возможность принять личное участие на различных этапах: пилотаж, адаптация методики, анкетирование, участие в анализе. Результаты других опросов, в которых я не смог принять непосредственное участие, были любезно предоставлены мне организаторами и исполнителями проектов. Пользуясь случаем хочу выразить искреннюю благодарность и глубокую признательность всем коллегам, которые дали мне возможность анализировать результаты практически всех или большинства этносоциологических опросов населения Башкортостана, проведенных в 90-е годы, и опубликовать, в том числе, впервые (с согласия организаторов) некоторые материалы в авторской аналитической интерпретации.

Среди названных опросов особенно интенсивно используются мной результаты следующих исследований:

1. Массовый этносоциологический опрос городских башкир (817), татар (779) и русских (814) Башкортостана в апреле 1993 года по проекту “Язык, национальность и бывший Советский Союз”. Опрос проводился репрезентативно по трем основным этническим группам в семи городах, выборка составила около 2100 респондентов. Руководители и организаторы проекта: М.Губогло, Р.Кузеев (Россия) и С.Лейман, Д.Кофф, Д.Лейтин (США). Автор принял непосредственное участие в проекте;
2. Этносоциологический опрос по проекту “Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России” в августе 1995 года в пяти городах и пяти сельских районах Башкортостана. Выборка репрезентативная по всему населению составила около 2000 респондентов. Автор принял участие в опросе под руководством координатора проекта по Башкортостану Ф.Сафина;
3. Этносоциологический опрос по проекту “Социально-экономическое неравенство этнических групп и проблема интеграции в Российской Федерации” в конце 1999 года начале 2000 года. Выборка репрезентативная по городским и сельским башкирам (297 и 112), татарам (295 и 96) и русским (341 и 66) составила 1200 респондентов. Руководитель проекта - Л.М.Дробижева, исполнитель по Башкортостану - Р.Валиахметов;
4. Экспертный опрос этнополитической элиты Башкортостана 6 января 1993 года при участии автора по проекту, разработанному и осуществленному Д.Джеймисон (США) и Ф.Сафиным (Россия). Выборка представительная для всех основных групп этнополитической элиты составила 106 опрошенных;
5. Экспертный опрос элиты Башкортостана в мае 1996 года в рамках исследовательского проекта “Урегулирование и предотвращение межнациональных конфликтов в изменяющемся российском обществе” в Уфе проводился под руководством Т.Губогло и М.Сафина, организаторы исследования М.Губогло и Е.Степанов. Опрошено около 350 человек.

Все используемые мной в данном исследовании опросы репрезентативны либо по основным этническим группам (башкиры, татары и русские)

проводились только среди городских жителей, а отдельные - по сельским жителям в том числе.

Естественно, что кроме результатов опросов, в настоящей работе для изучения эволюции гражданской идентичности в Башкортостане использовался анализ различных официальных политико-правовых документов, материалы общественных и особенно - этнополитических организаций, личные наблюдения автора, повторное синхронное исследование некоторых других опубликованных социологических исследований населения, данные социальной статистики.

Этническая идентичность в структуре гражданственности: проблемы взаимодействия.

С конца 80-х годов на общественно-политическое развитие российских республик, и в числе первых – Татарстана и Башкортостана, решающее влияние начала оказывать “взбунтовавшаяся” (по образно-меткому выражению некоторых специалистов) этничность. Мощный всплеск массового этнонационального самосознания населения и особенно – нерусских народов был умело подхвачен и мобилизован политической элитой республик для осуществления процесса “суверенизации” с целью завоевания максимально возможной, в рамках сохранения единого государства, независимости от Центра. Закономерно, что для мобилизации возрождающегося этнического самосознания титульных народов, равно как и для достижения ориентации идентичности других (нетитульных) этнических групп в большей степени на республиканский, а не федеральный уровень, политэлита и идеологи республик использовали весь возможный спектр пропагандистских средств, начиная с правовых документов и громких политических заявлений и до – тотальных агитационных кампаний в СМИ. Специально проведенный на материалах даже только русскоязычных республиканских газет Татарстана контент-анализ показал, например, что “...самыми важными вопросами республиканских идеологов стала ориентация местного массового сознания не на всю Россию, как раньше, а на собственную республику, всесторонне укрепляющую свой фактический суверенитет и государственность, и отстаивающего права и достоинства перед федеральным центром”.²⁷ Кстати, лидеры и Башкортостана и Татарстана уже в период борьбы “Горбачева с Ельциным” активно использовали жупел “массовых межнациональных коллизий”, пытаясь выторговать для себя более выгодные условия.

Борьба с федеральным центром “за полномочия” усиливалась вплоть до 1993-1994 г.г. и, достигнув в этот период апогея, пошла на убыль. Завершение процесса складывания новой российской государственности и достижение определенного баланса интересов федеральной и республиканских политических элит сделали ненужной эксплуатацию “этнонационального фактора”, начался кризис титульных для республик национальных движений. Причем, даже в период наивысшего подъема активности этнообщественных организаций, их социальная база, как показывают результаты социологических опросов, оставалась довольно узкой. Так, в апреле 1993 года среди городских башкир только 41,1% были информированы о деятельности “своих” объединений, а 7,2% - приняли в какой-то форме в них участие (см. табл.4 и 5), т.е. бывали на заседаниях клубов по изучению национального языка и культуры, выходили на митинги, участвовали в “этнических” праздниках. В связи с тем, что основная этнонациональная жизнь в этот период “бурлила” именно в городе, такие низкие цифры самооценки участия в национальных объединениях (с учетом возможной

этническая идентичность нерусских народов Башкортостана и Татарстана, хотя и перестала в дальнейшем иметь характер “бунтующей”, медленно “остывая”, инерционно продолжала оказывать влияние на формирующееся гражданское самосознание населения.

Характерной особенностью генезиса гражданской идентичности в Башкортостане, как видимо и в большинстве республик, было то, что формирование республиканской, т.е. субгражданской идентичности на несколько лет опередило создание общенационального ее уровня. Если говорить о политическом конструировании идентичности, то уже с самого начала движения “за суверенитет” Башкортостана в основных политико-правовых документах декларировалось, что “...носителем суверенитета и источником государственной власти...является многонациональный народ”²⁸ (подчеркнуто мной – Р.Г.). Далее принцип “многонационального народа” был закреплен в Конституции РБ²⁹ и постоянно пропагандировался в менее значимых документах. На государственно-политическом уровне всегда педальировалась идея экономической самостоятельности, с неизменными заверениями о неразрывном единстве с Российской Федерацией. Видимо, это обстоятельство, наряду с другими причинами привело к тому, что “башкортостанское” самосознание проявили в 1993 году уже не только значительное количество башкир (43,1%), но и определенная группа татар (34%), а также – некоторые русские (10,4%) (см. табл. 1). При этом, синхронный анализ гражданской идентификации основных национальностей Башкортостана в начале 90-х годов показывает, что титульный этнос уже тогда, главным образом, был ориентирован на республиканское самосознание, а русские – на российское. Своего рода промежуточное положение между башкирами и русскими занимали татары, хотя и у них российская идентичность почти в четыре раза уступала башкортостанской. На подобные ориентации татар, видимо, оказало влияние то, что, с одной стороны, они как нерусский этнос выступали за “высвобождение” из под российского давления, а с другой – являясь нетитульными в Башкортостане опасались возрастания дискриминации со стороны башкир. Дальнейшая эволюция субгражданской идентичности татар Башкортостана подтверждает эту догадку (см. табл. 1), т.к. в 90-е годы заметен некоторый рост их исключительно российской идентичности, видимо, под влиянием увеличивающегося ущемления национально-культурных запросов со стороны башкир. Ситуацию, аналогичную башкортостанской, применительно к основным национальностям (за исключением татар РБ), зафиксировали этносоциологи по поводу двух уровней гражданской идентичности в Татарстане. Здесь также, при приблизительно равной двойной идентичности (32-35%), русские демонстрируют преимущественно российское самосознание (36,1%), а татары – татарстанское (59%).³⁰

Результаты социологических исследований, таким образом, подтверждают наше гипотетическое предположение о том, что этническая идентичность титульных в российских республиках (в Башкортостане и Татарстане – во всяком случае) народов ориентирует гражданское самосознание в значительной степени на региональный, а нетитульных (особенно русских) – на общенациональный уровень. Нельзя не заметить, при этом, что федеральные ориентации русских на целый порядок ниже республиканских амбиций татар в Татарстане и башкир в Башкортостане, и, наоборот – при довольно большом количестве русских, с преимущественно субгражданским самосознанием, татар и башкир, считающих себя в большей степени россиянами в несколько раз

Подобное положение, имеющее на первый взгляд парадоксальный характер, когда русские, проживающие в регионе, все больше идентифицируют себя с этническим нерусским государством, входящим в Россию, а не со всей страной, в последнее время по-разному объясняется исследователями. Большинство специалистов из республик, по вполне понятным причинам, считают такое развитие естественным, объясняя это тем, что, с одной стороны, этническим интересам русских ничего не грозит, а с другой – региональное социальное единство, основанное на относительно лучшем уровне жизни, побеждает и в русских их этнический эгоизм. Республиканские политики приводят даже в качестве аксиоматического доказательства именно такого объяснения действительно ошеломляющие результаты различных выборов и референдумов.³¹ Некоторые специалисты из Москвы также подчеркивают, прежде всего, позитивные факторы генезиса субгражданской этничности русских в республиках, где “...есть потенциал формирования этнорегионализма”.³² Интересные новые аргументы, объясняющие большее республиканское, нежели федеральное, самосознание русских Татарстана приводит в статье, подготовленной в рамках данного проекта Л.Дробижева. Она пишет, что: во-первых, в региональном самочувствии большую роль играет унижающее историческое воспоминание и теперешнее представление о несправедливости распределения благ по оси “центр – периферия”; во-вторых, образ республики формируется в сопоставлении “с другими”, а “другим” чаще всего выступает Центр; в-третьих, что республиканская идентичность разрабатывается ее идеологами более фундаментально и масштабно. В то же время отдельные авторы, акцентируя внимание на негативных предпосылках большей ориентированности русских к субгражданской идентификации, подчеркивают, что “...ситуация является более сложной, чем кажется на первый взгляд. Усиление региональной компоненты общественного сознания в постсоветский период (это вообще свойственно переходным эпохам с их фрагментарной политической культурой, считают западные исследователи) объясняется затрудненностью самоидентификации русских жителей национальных образований РФ, и опасениями обострить взаимоотношения с титульным этносом, и ростом нестабильности в стране, и в немалой степени, устранением федерального Центра от защиты прав русских в регионах. Немалую роль играет сильнейший шок от распада СССР, который серьезно ударил по традиционному державному патриотизму. Возможно государственный патриотизм, адресованный ранее союзному государству, в ситуации 90-х годов трансформировался в патриотизм местный, региональный”.³³

Наряду с признанием резонности всех вышеприведенных объяснений анализируемого феномена, мне представляется, что существенную роль в его генезисе сыграли факторы времени, пространства и самоощущения политической стабильности. Действительно, субгражданская идентичность в республиках начала формироваться за несколько лет до общегражданской, еще во времена Союза ССР, а идеологические основы российской государственности, из-за ожесточенных политических дискуссий, культивируются только со второй половины 90-х годов, сама национальная идея до сих пор не разработана. Сыграло свою роль и то, что в республиках у населения существует реальное самоощущение политической стабильности, тогда как российская власть, а, следовательно - государство, является в сознании людей олицетворением конфликтности, постоянного противоборства, политических интриг, непродуманных, ошибочных решений. Наконец,

Федерации, чем со страной в целом. Частичным подтверждением выдвинутого нами “пространственного” фактора идентичности являются результаты социологического опроса 1999-2000 года по Башкортостану, когда представители всех трех этнических групп демонстрируют гораздо большую ориентированность на местную власть (15%-27,6%), затем следуют власти республики (9%-16,8%), последним указывается российское правительство (4%-6,4%) (см. табл. 7). Если сравнивать уровень доверия населения к федеральной и республиканской властям, то последняя в этом смысле, также как и в Татарстане (Л.Дробижева) неизменно лидирует. Причем и в ответе и на этот казался бы “нейтральный” вопрос у респондентов четко прослеживается корреляция с этническим признаком (см. табл. 8). Например, городские башкиры доверяют властям Башкортостана (24%) почти в два раза больше чем городские русские (13%). Традиционно значительно большее доверие к республиканской власти сельских жителей по этническим группам различаются еще больше: башкиры-селяне доверяют властям Башкортостана в 48% ответов, а сельские русские – в 24%.

Диахронный анализ эволюции двух уровней гражданской идентичности башкир, татар и русских Башкортостана на протяжении 90-х годов показывает, что ощущение себя исключительно или преимущественно башкортостанцами поначалу у всех трех народов, однако у русских и татар рост числа категорично идентифицирующих себя с республикой с середины 90-х годов останавливается, а у башкир - продолжает расти. При этом, представители титульного этноса, признавая себя, главным образом, только башкортостанцами (1995г. - 72%) и очень мало россиянами (1995г. - 2,7%), по этим показателям почти в два раза превосходят татар и четыре раза - русских. Интересно отметить, что по результатам всех этносоциологических опросов (это редкий случай, когда тенденция везде согласуется) постоянно увеличиваются абсентеистские настроения у представителей основных национальностей. Число тех, кто затрудняется ответить на вопрос о своей гражданской идентичности у башкир возрастает от 0,9 до 11 %, у татар - с 1,4 до 8%, а у русских - с 1,4 до 4% (см. табл. 1). По результатам опроса 1999-2000г.г. процент ответивших, что они не ощущают себя “ни теми, ни другими”, т.е. демонстрируют активный гражданский нигилизм*, у башкир (6%) равняется российскому самосознанию, у татар - только в два раза, а у русских - в пять раз ему уступает. Видимо традиционный для российских региональных массовых сообществ аполитизм постепенно перерастает в агражданственность. Причем сельские жители всех основных этнических групп демонстрируют гораздо более меньший гражданский нигилизм, чем горожане (см. табл. 2). Одновременно у селян, по сравнению с горожанами, исключительно и преимущественно башкортостанская идентичность на целый порядок выше, а российская соответственно меньше. Основными причинами, объясняющими “сельско-городские” различия в гражданской идентичности жителей Башкортостана, являются, на мой взгляд, две основные группы факторов: во-первых, это гораздо большая образованность и политическая “продвинутость”, а, следовательно - более гармонично и полно структурированная гражданственность горожан; во-вторых, на самосознание жителей города, предполагающего, в силу своей этнической мозаичности, более сложное взаимодействие между народами, несомненно, влияет определенная

* _____ 2000 _____

межэтническая напряженность, тогда как в деревне РБ, в основной своей массе - моноэтнической, такого напряжения практически нет.

В целом, на протяжении 90-х годов поляризация мнений респондентов по поводу отнесения себя больше к общегражданской или республиканской идентичности по основным этническим группам Башкортостана увеличилась, что является довольно тревожным фактом, даже при наличии общего возрастания субгражданской идентичности народов. В данном случае, признавая справедливость некоторых выводов о том, что в последние годы "...государство (в данном случае РБ) само способствует усилению этнического компонента в самосознании граждан",³⁴ резонно предположить, что гипертрофированное развитие этничности, на основе ее постоянной государственной мобилизации, может оказать разрушающее воздействие не только на общенациональную гражданскую идентичность, но и, что особенно опасно, на башкортостанское самосознание населения. В указанном смысле наиболее вероятным является разрастание двух групп противоречий. Во-первых, в связи с наличием среди башкир Башкортостана (особенно - городских) ассимилированных русскоязычной средой и манкуртизированных групп³⁵, последние в большей степени ориентированы на "неэтническую" высокую культуру. По Татарстану этот процесс хорошо показала в своей статье по проекту Л.Сагитова. Усиление педалирования этничности в данных маргинальных группах и что хуже всего - принудительными методами, неизбежно вызовет их "размывание" и концентрацию "на полюсах" идентичности. Еще более сильный удар по республиканской гражданской идентичности, особенно - ее башкирской этнической составляющей, может нанести неверное решение видимо эксклюзивной во всей России башкортостанской проблемы "татароязычных" башкир, которых даже по официальной статистике в республике свыше 21%. Навязывание этой этнической группе созданного лишь в конце 20-х годов и достаточно дискуссионно башкирского литературного языка³⁶ может привести к процессу массового и краткосрочного изменения этнической идентичности большой группы башкир, что, естественно, не пройдет безболезненно для любого общества.

В условиях полиэтничного Башкортостана, таким образом, подтверждается наша гипотеза о том, что любое усиление титульноориентированной национальной политики будет иметь гораздо более негативные последствия, чем в Татарстане, для складывания гармонично организованной республиканской идентичности.

Результаты многочисленных социологических исследований, проведенных в 90-е годы в Башкортостане (так же как и в Татарстане) фиксируют большее значение этничности в структуре идентификации личности в целом. Исследовавшие этот процесс этнопсихологи констатируют, что "...в распадающемся российском обществе этническая принадлежность оказалась наиболее доступной и актуальной формой психологической консолидации. Усиление ее значимости это психологическая реакция на резко возросшую неопределенность в обществе и на результаты осуществляемой десятилетиями политики унификации личности и групп".³⁷ Одновременно, однако, была замечена еще одна особенность: этническая идентичность русских по своей выраженности существенно (иногда почти в два раза) уступает роли, которую придают своей национальности представители титульных для республик народов. По Татарстану наличие этой тенденции неоднократно констатировали на материалах массовых и экспертных опросов и московские специалисты,³⁸ и

башкирами Башкортостана, особенно ярко проявляющееся в молодежной среде, неоднократно отмечалось и мной.⁴⁰ Объяснения этому феномену выдвигаются различные. С.В.Рыжова, например, считает это следствием: во-первых, численного и социального доминирования русских в России; во-вторых, преобладанием у русских поначалу “советской” идентичности; в-третьих, тем, что этническая идентичность русских тормозится их высокой общероссийской идентичностью.⁴¹ К более адекватной интерпретации причин данного явления можно подойти, анализируя материалы по Башкортостану, где наряду с русскими и башкирами имеется третий крупный этнический анклав, татары, не обладающий титульностью башкир и “характерными” параметрами русских. Как показывает специальный корреляционный анализ, татары, так же как и русские (это редкий случай подобного совпадения), даже, несмотря на свое недавнее “сельское” происхождение, в городских условиях не придают такого большого значения своей этничности, стараются ее не выпячивать, в отличие от башкир, которые делают это ярко выражено. Поэтому, основной причиной более существенного значения этничности в идентификации личности у титульных народов Башкортостана и Татарстана является не “слабая” выраженность национального сознания у русских и татар, которая, видимо, развивается нормально, в русле происходящих общественных преобразований, а гипертемпы роста этнической самоидентификации “коренного” (по старой терминологии) этноса, что заставляет даже представителей маргинальных групп (“русский - башкир”, “татарин - башкир” и т.д.) неизменно декларировать свое “титульное” происхождение.

Подтверждением того, что педалирование именно “государствообразующего” характера этничности титульных народов в российских республиках является главной опасностью для создания уравновешенной и стабильно развивающейся гражданской идентичности, и, прежде всего - ее субнационального уровня, являются результаты анализа центростремительных и сепаратистских настроений населения. С одной стороны, результаты панельных опросов населения российских республик фиксируют, что у русских здесь постепенно, но неуклонно растет готовность к этнической мобилизации, в том числе – в радикальных вариантах. Так, доля считающих, что “все средства хорошо для защиты интересов моего народа” выросла среди русских в республиках до 25%.⁴² С другой стороны, результаты опросов по Башкортостану показывают, что если в 1993 году 17,6% татар и 14,8% русских считали (полностью или частично), что они должны иметь право на территориальную автономию в местах компактного заселения небашкирским населением, то на аналогичный вопрос в 1995 году за то, чтобы татары имели в РБ территориальную автономию, выступили уже 49,4% татар и 13,7% русских. В 1995 году за предоставление права на национально-культурную автономию высказались 66,4% респондентов из татар и 35% - из русских. Таким образом, внутри республиканский сепаратизм в Башкортостане усиливается. Видимо, основной причиной этого является “титульноориентированный” характер этнической компоненты республиканской идентичности.

В то же время, среди башкирского населения и особенно - у башкирской этнополитической элиты республики, несмотря на то, что процесс реформирования национально-государственного устройства страны закончился и ситуация стабилизировалась, сохраняются некоторые сепаратистские по отношению к РФ ориентации. Экспертный опрос этнополитической элиты РБ в 1993 году, например, зафиксировал, что 35,3% башкирской элиты однозначно

действий.⁴³ Однако, если столь “пугающие” цифры можно отнести на счет того, что, во-первых, этот опрос проводился в 1993 году, т.е. в период наивысшего подъема этнического сепаратизма; во-вторых, это было мнение лишь “пассионарной” (по Л.Н.Гумилеву) этнической интеллигенции, то совсем “свежие” данные, репрезентативные по всему населению РБ, опроса 2000 года тоже настораживают: 13% башкир однозначно заявляют, что Башкортостан выйдет со временем из состава РФ, а еще 18,6% считают, что это “зависит от исполнения договора”, и только 45,5%, при практическом отсутствии колеблющихся, твердо уверены, что их республика останется в России (см. табл. 9). Одновременно, по результатам того же опроса, по 4% респондентов из башкир считают, что ради суверенитета республики можно идти твердо на 1) снижение материального уровня; 2) межнациональные конфликты и 3) войну за независимость, а 19%, 9% и 11% - что это “зависит от обстоятельств” - соответственно (см. табл. 11). Своего рода “контрольным” для определения уровня распространения сепаратистских настроений среди этнических групп Башкортостана, является вопрос об отношении респондентов к заявлению о выходе из России какого-либо субъекта. И в этом случае среди башкир, одобряющих подобный шаг в два с лишним раза больше чем русских (39% и 19%) (см. табл. 10). Приведенные данные красноречиво говорят об имеющемся, к сожалению, потенциале этнического экстремизма.

К интересным результатам приводит исследование ведущих мотивационных установок этнической идентичности основных народов Башкортостана, как в смысле их системного взаимодействия, так и иерархического сочетания. Дело в том, что результаты практически всех опросов, проведенных в 90-е годы, фиксируют, что группы опорных факторов этнической идентичности разных народов различаются. В каждом отдельном случае наблюдается свой специфический набор идентификаторов, которые к тому же сильно отличаются по количественному значению. Ранее мне уже приходилось писать о трех основных типах мотиваций в этническом самосознании, наблюдаемых в Башкортостане.⁴⁴ Теперь необходимо уточнить их значение и проследить эволюцию.

Анализ иерархии рангов основных мотивационных установок этнической идентичности, и на материалах опроса 1993 года и 1995 года, если априорно “опустить” те из них, которые, с одной стороны, имеют традиционно большие значения, с другой - синхронны у всех трех народов, позволяет увидеть, что для башкир ведущими факторами самоидентификации являются признаки, определяемые титульным для Башкортостана значением этноса (территория проживания, гражданство, национальная государственность). У русских значительно большую роль, нежели другие, играют признаки, которые определяют российское самосознание (гражданство, общность исторической судьбы со своим народом) и меньшую - место проживания, т.е. субгражданскую идентичность. Таким образом, и у башкир и у русских гражданственность в существенной мере задается “государственностью”, с той лишь разницей, что у одних - башкортостанской, у других - российской. Этнокультурные признаки идентичности вкупе с территориальными, больше характерны для татар, у которых, таким образом, и формируется диаспоральный тип этногражданской идентичности. Поэтому у отмечаемого в некоторых новейших политологических работах изменения тактики татарских общественных организаций, когда “...татары Башкортостана стали вести себя как диаспора по отношению к национальному ядру, сосредоточенному в Татарстане”⁴⁵, есть

формирование гражданской идентичности жителей Башкортостана сильное влияние оказывает не только этничность разных народов как таковая, но и ее эволюция, с точки зрения основных опорных установок, уже в ходе новейшего (90-е годы) этнополитического развития страны.

Религиозный аспект гражданской идентичности: фактор единения или раздора?

Вторым по своей значимости важнейшим элементом идентичности, бурно возродившимся в 90-е годы в Башкортостане, стал ее религиозный фактор. Как подчеркивают некоторые западные специалисты, в условиях динамичных социальных изменений именно язык и религия часто играют особую роль среди политических символов и в этом качестве они могут способствовать интеграции, либо дезинтеграции гражданской общности.⁴⁶ Эмпирические данные по Башкортостану показывают, что уровень религиозности населения уже с 90-х годов, несмотря на “атеистическое” советское наследие, был достаточно высоким и в течение этого десятилетия увеличился (см. табл. 12). Причем увеличение религиозности произошло за счет так называемых “колеблющихся”, перешедших в эту категорию из тех, кто ранее трактовал себя как “не верующий, но уважающий чувства тех, кто верит” и из тех, кто отвечал, что “ему все равно”. Количество же безоговорочно верующих (с разным уровнем соблюдения обрядов) стабилизировалось на уровне 45-46% от числа опрошенных.⁴⁷

Если проанализировать некоторые демографические различия в уровне религиозности населения, то по результатам опроса 1995 года городские жители (как не странно) демонстрируют большее количество крепко верующих (47,3%), чем сельские (40,4%), с гораздо меньшим процентом колеблющихся (20,4% - город, 37,1% - село). Одновременно женщины верующие доминируют над верующими мужчинами, старший возраст (от 55 лет) гораздо более религиозен других возрастных групп.

Таким образом, общие показатели религиозности по результатам массовых социологических опросов в Башкортостане достаточно высоки. Нас интересует, в какой степени религиозное сознание влияет на гражданскую идентификацию населения, в особенности - по основным этническим группам. Как известно, Башкортостан, как и Урало-Поволжье в целом является не только полиэтничным регионом, но и зоной интенсивного (на протяжении нескольких столетий), иногда противоречивого взаимодействия двух самых больших конфессий России - ислама и православия. Т.е. тюркско-славянские различия дополняются в этом регионе мусульманско-христианскими. Некоторые исследователи даже считают, что столь стремительный современный религиозный ренессанс был вызван не только политической, социальной, экономической нестабильностью, разочарованностью в прежних идеалах, но и компенсирующей ролью религии в национальном самосознании, а самое главное - реакцией на смену государственной идеологии в России,⁴⁸ таким образом, “реисламизация”, например, была не чем иным, как своеобразной формой “религиозного национализма”.⁴⁹ Анализируя процесс политизации исламских организаций в России, я тоже пришел к выводу, что этот феномен является фактором этноконфессиональной консолидации части нерусского населения страны в противовес унитарной ориентации Центра, в том числе - в духовно-идеологической сфере. Т.е. политизация ислама в России является в какой-то степени своеобразным ответом на клерикализацию и имперские действия федеральной власти.⁵⁰ Политизация массового религиозного сознания населения, густо замешанная на политическом его составе, может поэтому привести к разрушению всех уровней гражданской идентичности в Башкортостане.

Рассмотрим поэтому, уровень религиозности основных народов

Сравнительный анализ степени развитости религиозного сознания у народов Татарстана показывает, что татары там демонстрируют (на материалах нескольких опросов) несколько большую религиозность чем русские.⁵¹ Одной из попыток объяснить подобные различия является как раз концепция о том, что у татар религиозность является формой этнонациональной консолидации, т.е. больше, чем у русских замешена на этнополитической закваске. В Башкортостане ситуация принципиально отличается от татарстанской. С одной стороны, опрос 1993 года фиксирует самый высокий уровень религиозности у башкир, затем следуют (с небольшим отставанием) татары и русские. Но уже по результатам опроса 1995 года у русских и татар происходит определенный рост религиозности (на 5% и 8% - соответственно), а у башкир резко падает группа верующих (с 51,7% до 38,1%) и многократно увеличивается число колеблющихся (с 6,6% до 42,2%). Это выводит на первое место по уровню религиозности татар и русских, с большим отрывом следуют за ними башкиры (см. табл. 13), одновременно, сравнение иерархии факторов этнической идентичности по результатам опроса 1993 года говорит о том, что религия у русских (31,6%) и татар (27,8%) стоит на третьем месте, а у башкир (14,5%) на седьмом месте при определении своей национальности (см. табл. 3).

Таким образом, татары и русские Башкортостана демонстрируют приблизительно равную, высокую религиозность, меньший уровень которой явно заметен у башкир.

Высокий уровень религиозности русских Башкортостан, почти равный татарскому, объясняется, видимо, его “компенсаторским” характером, когда русские, составляя менее 40% населения и, окруженные уже двумя тюркомусульманскими народами, пытаются через конфессиональную “нишу” уйти к российской идентичности. Таким образом, православное самосознание русских в Башкортостане, оказывая, как показывают результаты опросов, существенное влияние на этническую, а, следовательно - гражданскую идентичность, ориентируют последнюю на общенациональный уровень.

В чем же состоят принципиальные различия религиозности единоверных татар и башкир РБ? Ответ на этот вопрос тем более важен, что новейшее развитие исламской церкви в Башкортостане показывает: разделение некогда единого духовного управления мусульман в республике произошло в 1992 году в значительной степени по этническому признаку и продолжает сохранять сильный этнотерриториальный окрас.⁵² Внутри конфессиональные мусульманские противоречия имеют в Башкортостане при этом не только этнический, но и политический оттенок из-за открытого, порой скандального противоборства двух духовных управлений за контроль над общинами.

Мне представляется, что ответ на поставленный вопрос может быть найден при сравнении исторических особенностей и глубины проникновения ислама в массовое сознание татар и башкир. Как отмечают специалисты еще в начале XX века, когда происходил процесс генезиса татарской нации: “...из-за того, что у татар религиозные и этнические границы в основном совпадали, их борьба за сохранение своей “мусульманской идентичности”, в конечном счете работало у них на рост национального самосознания, на осознание ими необходимости достижения в российской империи национального равноправия”.⁵³ Поэтому проникновение ислама в массовое сознание татар было глубоким, принимая во внимание, в том числе, уровень распространения мусульманского просвещения среди татар в досоветскую эпоху. Огромную роль, по признанию большинства специалистов, сыграло в этом процессе движение

значительной мере освободив массовое религиозное сознание от фундаменталистских парадигм, способствовал созданию своего рода татарского “евроислама”.⁵⁴ Кстати, анализ современного развития мусульманских общин в Урало-Поволжском регионе показывает, что среди их руководителей четко прослеживается наличие, с одной стороны, реформаторских (джадидистских) установок на развитие, с другой – на консерваторскую (кадимистскую) позицию. Изучение информации, исходящей, например, от руководителей Духовного Управления мусульман Башкортостана (муфтий – Н.Нигматуллин) и Центрального Духовного Управления мусульман европейской части России и Сибири (муфтий – Талгат Таджутдин) позволяет взять на себя смелость для отнесения первого объединения к более ортодоксальному, а второго – к более реформаторскому направлению в российском исламе. Данное обстоятельство, “налагаясь” на личные амбиции непримиримых по отношению друг к другу оппонентов – муфтиев и на определенные этнические различия подчиненных общин создают одну из главных проблем для позитивного развития мусульманского фактора гражданской идентичности в Башкортостане.

У башкир в досоветскую эпоху (эта тенденция, естественно, ретранслировалась на советское время) многочисленные наблюдатели констатировали слабое проникновение ислама во все стороны жизни, а самих башкир называли “плохими мусульманами”.⁵⁵ С данным этнографическим фактом соглашаются практически все современные специалисты в том числе – стоящие сегодня во главе официальных национальных организаций.⁵⁶ Закономерно, что сформировавшиеся, таким образом, традиции относительно слабого влияния исламских канонических законов на внутренний мир башкир, сохраняются и на современном этапе. Как показывают современные этносоциологические исследования, в башкирской среде: “...религиозный фактор не играет для городских башкир (в отличие от татар) заметной роли в общественно-политической и культурной жизни. Религия не является фактом повседневной жизни городских башкир, не декларируется как часть национальной культуры и, следовательно, не способствует их внутриэтническому сплочению и солидарности... в сознании городских башкир этничность преобладает над религиозностью”.⁵⁷

Консолидирующая сила ислама, веками культивировавшего приоритет конфессиональной (мусульманской) идентичности, как показывает исторический и социологический анализ, натывается в Башкортостане, во-первых, на объективно разный уровень исламизации сознания башкир и татар; во-вторых, на амбиции этнообщественных и некоторых религиозных деятелей, пытающихся всеми силами политизировать мусульманские организации и раздробить их, если не по чисто этническому, то, хотя бы – этнотерриториальному признаку. В Урало-Поволжском регионе полноценная и единая мусульманская идентичность была ориентирована на общенациональный уровень гражданской идентичности. Это показывают хотя бы действия руководителей общероссийских мусульманских организаций (Т.Таджутдин и Г.Гайнутдин и т.д.). Одним из главных аргументов организаторов раздробления мусульманских организаций в 1992 году, кстати, было то, что руководство единого духовного управления якобы открыто не поддержало суверенитет республик и, что “суверенным” республикам не нужны “суверенные” духовные управления.⁵⁸ Разрывание единой мусульманской идентичности на этнотерриториальные составляющие оказывает на гражданскую идентичность в Башкортостане и Татарстане, если не такое разрушающее как в Карачаево-

единой мусульманской идентичности в Башкортостане, “татарская” ее часть будет ориентирована преимущественно на российскую идентичность, а в “башкирская” - на башкортостанскую.

В целом анализ распространения и глубины проникновения религиозного сознания в идентичность башкир и татар, сделанный на материалах массовых социологических опросов, позволяет согласиться с пунктом нашей рабочей гипотезы о том, что влияние конфессионального фактора на гражданскую идентификацию в Волго-Уральском регионе ослаблено и не может оказать сколько-нибудь серьезного разрушающего воздействия, если, конечно, не будет политизировано и мобилизовано при помощи государства.

¹ ...: ...: ... // ..., 1995, _3.

² ...: ... 1993; ...? (...)// ..., 1995, _2 ...

³ ...: ...?// ... 1999. _36-37.

⁴ Smith, Anthony D. National Identity. Penguin Books. 1991.

⁵ ... “...” 1922 ..., (... “...”) ... “...” “...”” ...: ... 1995. - _ 109.

⁶ ...: ...: ... // ..., 1994, _6; ...: ...: ... // ..., 1998, _2.

⁷ ...: ...: ... 1998.

⁸ ...: ...: ... // ..., 2000, _3.

⁹ ...: ...: ... // ... - ..., 1997.

¹⁰ ...: ...: ... 1990_... 1994; ... 90- ... 1996; ... 1998.

¹¹ ...: ...: ... 1999; ... 1998.

¹² ...: ...: ... 1992; ...: ... 1996; ... 1996

¹³ ...: ...: ... 1997; ... “...”” ... 2000.

¹⁴ ...: ...: ... 1999;

15 _____: _____ 1999; _____ 1997; _____ 1993.

16 _____ 1993. – 21-49.

17 _____ // _____, 1996, 8 _____.

18 _____ “ _____ ” _____
_____ : _____
“ _____ ” _____ // _____, 2001, 12. – 12-14.

19 _____ 1997. – 130-131; 138-139.

20 _____ 1999. – 20-35; 37-42.

21 _____ : _____ 1999;
_____ : _____ 1998.

22 _____ 1998.

23 _____ 2000; _____
_____ 1990- _____ (_____) _____ 2000.

24 _____ : _____ 1998; _____
_____ 2000.

25 _____ 1999; _____
_____ 1998.

26 _____ // _____ 2001; _____
_____ (_____ 90- _____) // _____ ;
_____ // _____ : _____
_____ 1995.

27 _____ – _____, 1997. – 7.

28 _____ // _____
_____ 1. _____ 1992. – 142.

29 _____ 23 _____ 1993 _____ –
_____ 1995.

30 _____ – 145.

31 _____ : _____
_____ 2000.

32 _____ – 379.

33 _____ “ _____ ” _____
_____ // _____ 175.

34 _____ (_____) // _____ :

55 _____ // _____
_____, _85-92.

56 _____ XVI _____
1994.

57 _____, _172.

58 _____ // _____:
_____, _249.

59 _____, _____, _____ // _____, 2000, _3. - _3.